

А.В. Фролова

Юноши: смена социального статуса, специфика игр и развлечений в XX в. (по материалам Архангельской области)*

Население Архангельской обл. не может пожаловаться на невнимание со стороны этнографов и фольклористов к его традиционной культуре. В последние годы появилось много интересных работ, посвященных этой обширной тематике¹, однако исследованию игрового календаря русских, его половозрастных аспектов уделяется недостаточное внимание. В некотором отношении восполнить это позволяют этнографические и фольклорные материалы, собранные автором в экспедициях по Архангельской обл., в Государственном архиве Архангельской области и Архиве Поморского университета. Особое внимание уделялось частушке, которая, являясь формой народного творчества, отражает различные аспекты повседневной и праздничной жизни севернорусского населения.

Как показывают собранные нами материалы, юноши к 16–17 годам обретали новый социальный статус. Достижение возраста совершеннолетия было важным рубежом в жизни каждого человека и общества в целом: появлялся новый взрослый член трудового коллектива и продолжатель рода. Первой общественной демонстрацией этого статуса было изменение в одежде. «При достижении половой зрелости начинают прилично одевать», – отмечают исследователи по этому поводу². Об этом же свидетельствует и частушка:

Пляши Матвей,
Не жалей лаптей,
Папка новы заведет,
Босиком не поведет³.

Парень–«жених» старался к каждому общественному празднику справиться себе новую одежду и головной убор. В первую очередь это

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 04-01-00011а и программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте».

имело социально-престижный характер, «хваление» одежды входило в систему приветствий молодежи⁴. В тех районах, где были развиты промыслы и отходничество, юноши нередко имели свой заработок⁵, часть которого они тратили на приобретение праздничного комплекта одежды. Например, они могли сплавать лес в Архангельск, занимались «нищенством» и т.п. Подобные традиции были известны на всем Русском Севере. «Нищенство» было особенно развито в районах Верхней Пинеги (бывшие Торковская и Гавриловская волости). Население этих волостей, подчас большими партиями, целыми семьями отправлялось за милостыней, называя это занятие «наживой»⁶.

Большое значение, которое придавалось одежде и украшениям (причем как юношеским, так и девичьим), особое отношение к этому общины может косвенно свидетельствовать о существовании в древности у славян (русских) следов определенных возрастных инициаций⁷.

К 16–17 годам юноша уже обладал определенными трудовыми навыками и обретал в семье право голоса, самостоятельно исполнял ряд работ, ему доверяли распоряжаться каким-либо имуществом. В неполных семьях парень уже к 15 годам становился «кормильцем»⁸.

Наступление совершеннолетия осознавалось и индивидуально – на уровне естественных реакций самоощущения, вызывающих соответствующие изменения в поведении: юноши начинали сторониться подростков и их игр и забав (над парнем, играющим в салки или прятки, могли посмеяться окружающие)⁹, стремились к объединению с себе подобными, в обществе вели себя сдержаннее. Менялось отношение и окружающих к совершеннолетним: их начинали называть по отчеству, приглашали в мужские компании, играть в кости, карты.

Народная психология сформировала определенный стиль поведения «женихов» (совершеннолетних юношей). Так, в парне ценились умение наряжаться (щегольство), танцевать, острословить, ухарство, разбитная, нарочито небрежная манера общения с девушками. Естественно, что по практическим крестьянским меркам жених должен был быть рослым, дородным, физически крепким, работающим, веселым, почтительным по отношению к старшим.

Немного подробнее остановимся на такой отличительной черте совершеннолетней молодежи, как драчливость¹⁰, тем более, что задиристость парней, их многочисленные драки и постоянная готовность к бою весьма поощрялись и оправдывались в деревенской среде. «Да какая беседа, праздник обходились без драки, хулиганских частушек и пьянки!»¹¹; «Подраться считают обязательным»¹²; «Молодежь с похабными песнями ходит по деревне и высматривает своих противников, чтобы в удобный момент пустить в ход колья, а иногда и ножи»¹³, – отмечается в архивных материалах.

Частушка в юношеской среде была одним из средств выражения парнем своего превосходства над другими и своеобразным методом устрашения и самоутверждения.

Меня били, колотили
В три кола, четыре гири,
Я и то не унывал,
Скорее ножик вынимал.

Финский ножик, финский ножик,
Финский нож на поясу,
Из чужой деревне голову
В кармане принесу.

Батка финский ножик точит,
Матка гирю подает,
Сестра револьвер заряжает
На беседу сын пойдет¹⁴.

Большое количество агрессивных частушек, в том числе и с использованием ненормативной лексики, отражало манеру поведения юношей в коллективе, особенности их взаимоотношений с друзьями:

Ко вечерочке подходим,
Вся вечерочка на нас,
Фински ножики наточены,
Побаивайтесь нас.

Я из мазуриков мазурик,
Всей деревне надоел.
Все старухи бога молят,
Чтоб мазурик околел¹⁵.

Ревность также могла быть причиной драки, каждый из кавалеров считал необходимым охранять свою девушку от посягательств соперника:

Задушевный мой товарищ,
Выну ножик на тебя,
Ты не первую, вторую
Отбиваешь от меня.

Наше поле с вашим рядом,
Посредине есть межа,
Кто к моей милашке сядет,
Тот испробует ножа¹⁶.

Взаимоотношения с избранницей, способной на измену, могли закончиться плачевно и для нее:

Раскачу катушку ниток,
По зеленым по лугам,
Если сделаешь измену,
По зубам ноганом дам¹⁷.

Подобное неблагоприятное поведение по отношению к девушке тем не менее было редкостью и осуждалось как взрослыми сельчанами, так и молодежью¹⁸.

В народе считалось, что у парня обязательно должна быть «любушка», «беседница», да к тому же и не одна. В глазах общественного мнения парень, не встречавшийся с девушкой, не бывавший на беседах, воспринимался как ненормальный или подвергшийся влиянию порчи или сглаза. Более того, по мнению окружающих, такое поведение юноши (а также и аналогичное поведение со стороны девушки) могло повредить всей общине.

В отношении юношей допускалось и даже поощрялось свободное сексуальное поведение, что нашло отражение в частушке:

Отворяй-ка, матка, двери,
Сын с вечорочки идет.
Стели мягоньку постельку,
Себе спальницу ведет¹⁹.

Самые «разудалые» парни могли похвастаться романом с солдаткой²⁰.

Юношеские группы-компании также выполняли и специфическую, если можно так выразиться, воспитательно-корректирующую функцию выразителей «общественного мнения», признания или порицания тех или иных форм поведения. Это касалось в основном девушек. Физическое воздействие со стороны парней было явлением редким, более распространенными и достаточно действенными были такие «меры воспитания», как насмешки и частушки. Как свидетельствуют архивные материалы, парни нередко «пели про отдельных девчат сложенные похабные частушки»²¹.

Что над нашей над деревней
Понависли облака.
Сорок девок отелилось,
Похлебаем молока²².

Каждая из девушек была в деревне, как говорится, на виду. Причем было принято подшучивать как над слишком тихими, несмелыми девушками, так и над теми, кто вел себя дерзко и развязно.

Одним из проявлений признания факта достижения совершеннолетия было разрешение участвовать в праздничных молодежных гуляниях, хороводах, старших (больших) посиделках (беседах) с определенными ролевыми обязанностями. Для молодых людей это было очень важно, так как именно на беседах между молодыми людьми завязывались знакомства, складывались потенциальные брачные пары. На таких «игрищах» были популярны следующие хороводные игры: *Вить*

капустоньку, Заинька, Хожу я гуляю вдоль по хороводу, Вьюн, Чижа водить, Вокруг столба, Прялица-кокорица, А мы просо сеяли.

Беседы по сути дела представляли собой символическое разыгрывание свадебного обряда. *Хожу я гуляю вдоль по хороводу, Вьюн* – хождение попарно – это сведение молодых; *Вокруг столба* – припевание пар в кругу – благословение «мира» на брак. В первые десятилетия XX в. балалайки и гармошки стали вытеснять хороводные игры и песни, молодежь на беседах предпочитала танцевать. «Барыню», «краковяк», «подыспань», «яблочко», «тустеп», разные виды «кадрилли» («линейная», «матигорочка», «восьмера» с большим количеством фигур) танцевали до 1950-х годов²³.

На посиделках были распространены игры *Люб ли сосед, Колечко, Ручеек, Сахаринка, Скамейка*, причем две последние назывались «поцелуйными». В 1920–1930-х годах появились новые игры – *Фанты, Кормить голубей*. Парни заигрывали с девушками, могли замотать кудель, обвязать одной ниткой и себя, и девушку, и прялку; стремились продемонстрировать свою силу, устраивали перетягивания. Комплекс молодежных игр на игрищах и посиделках представлял собой своеобразную систему ухаживаний, включавшую большое число совместных игр.

Юноши в основном тяготели к состязательным и более подвижным играм, где можно было показать свою физическую силу, тогда как девушки – к играм сюжетным. Несмотря на то, что времени на игры оставалось немного, особенно летом, перечень развлечений был достаточно велик. Самые азартные могли играть всю ночь напролет, не останавливали ни строгие родители, ни тяжелые обязанности, исполняемые по провинности²⁴. Это были *Рюхи* (разновидность городков), *Лапта, Попа-гоняла, Бабка, Кости, Чехарда, Горелки, Котел* (его разновидности – *Лунки, Шары, Сучка, Шаром накатышом, Свайка*, или *Тыканка*), причем каждая игра становилась демонстрацией силы и ловкости потенциальных женихов, а одержанная в состязании победа создавала парню высокий авторитет.

Молодежный игровой календарь можно условно разделить на два больших периода: зимний и весенне-летний. В основе выделения этих

игровых комплексов лежит природно-аграрная последовательность годовых периодов.

Наиболее крупным праздником зимы многие исследователи считали *святки*. Святочный период был поистине праздником молодежи. Особая ритуальная значимость этого периода отмечалась и необычными формами поведения: ряжение, *кудеса* (озорство), игры, песни, обходы домов, посиделки с игрищами, разнообразные гадания создавали неповторимую атмосферу святочного веселья. Не только в Архангельской обл., но и по всей России был распространен обычай праздничного обхода домов молодежью и взрослыми, отличавшийся довольно агрессивным эротическим поведением его участников.

С Рождества устанавливали на льду *кружало* (деревянное сооружение с колесом), на котором парни катались сами и катали девушек. Исследователи XVIII–XIX вв. писали о существовании многочисленных комплексов ряженных на Русском Севере²⁵: ряженные с медведем, быком, журавлем, цыгане и т.п. Особой забавой было опознание ходивших *наряженными*. Ряженные старались изменять свои голоса, походку, а утром вся деревня гадала, кого изображал тот или иной сельчанин.

Кудеса (обрядовое озорство) была излюбленной забавой парней. Как свидетельствуют полевые материалы, на святки молодые люди (в основном парни) позволяли себе различные «шалости»: могли разбросать «костер» (поленницу дров), спустить в печную трубу большое перо, отчего дым расходился по всей избе, затащить на крышу сарая сани, приморозить дверь. Устраивали и более изощренные «развлечения»: увозили у нерадивого хозяина сани, ставили их где-нибудь на улице, клали в них бревно, завернутое в тулуп, а сверху помещали дощечку с надписью «Хозяин пьян»²⁶. Могли проложить дорожку из дров от дома жениха к дому невесты или между домами влюбленной парочки. Вместе с тем существовало строгое негласное правило: нельзя было кудесить во дворе вдов и стариков – это считалось позором.

Среди традиционных юношеских игр и развлечений можно выделить отдельную группу, которая имела испытательно-посвятительный характер. В Пинежском и Холмогорском уездах их устраивали в основном в святочный период. Юноши, в одиночку или небольшими группа-

ми, обязательно ночью, посещали старые заброшенные дома, овины, бани, причем необходимость посещения подобного места обставлялась как состязание на спор: кто не побоится ночью пойти в баню и что-либо принести оттуда, провести ночь в заброшенном доме и т.п.

Рассказы-страшилки о том, что могло произойти в подобных ситуациях, один из которых записан нами в с. Сура, можно услышать и в наши дни. Увидев свет в старом полуразрушенном доме, юноша поспорил с друзьями, что проведет там ночь. Утром, не дождавшись его возвращения, друзья после долгих поисков нашли парня в сундуке «всего переломанного».

Отметим, что различные былички, бывальщины, предания о баннике, обдерихе, лешем и т.д. – наиболее излюбленные темы разговоров в юношеских компаниях. Исследование «страшных» мест, преодоление страха перед демоническими существами и взаимодействие с ними – распространенный стереотип поведения подростков и юношей, а также важный фактор социально-психологического возмужания личности

Масленица, при всем разнообразии и варьировании составляющих ее ритуалов, повсюду была одним из самых больших праздников. Заранее готовили горки (это считалось обязанностью юношей) разных видов: естественные, на речном склоне, залитые водой; специально построенные, деревянные. Массовые молодежные катания начинались с Мясного заговенья. Съезжали с гор на санях, праздничных санках, обвешанных для звона цепями, бубенцами, на обледенелых рогожах.

Катанию с гор придавалось особое магическое и ритуальное значение. Так, в Сурском с/с. Пинежского р-на до конца 1920-х годов существовал обычай скатывания девушек с гор на своих прялках, причем считалось: у той, которая сумеет прокатиться дальше всех, будет самая лучшая кудель. Парни катались как на санках девушек, так и на их коленях.

Существовала также забава, известная в народе под названием *сопить рыжики*. Она заключалась в том, что парень, съезжая с горы, должен был успеть поцеловать девушку и при этом не перевернуть сани. Парни любили также переворачивать сани и «запрокидывать»

девушек на снег, но не каждая девушка удостоивалась подобной чести. Как отмечали информанты, «другую девку парни закатывают, почетной девке передыху не было, непочетная весь вечер на горке в сторонке простоит» (Пинежский р-н., с. Слуда).

Долго сохранялись обычаи «проверки», испытания молодоженов, например, такие, как примораживание саней молодых. Этот обычай распространялся только на тех, кто заключил брак в данном году. Особенно любило эту забаву старшее поколение. Молодую заставляли целовать мужа столько раз, сколько захочется окружающим, если же она сопротивлялась, то под сани, на которых молодожены должны были съезжать, лили воду. Когда же молодуха выполняла все пожелания окружающих, супругов с песнями скатывали с горы.

Со встречей Пасхи начинался новый период развлечений, снимались многие запреты на шумные и подвижные игры, соблюдавшиеся во время Великого поста, и молодежь выходила на открытое пространство – на улицу.

В каждой деревне или селе заранее возводились общественные качели, что являлось обязанностью юношей. *Качуля* представляла собой два четырехметровых столба, врытых в землю, с перекладиной наверху. Через перекладину перебрасывали две веревки таким образом, чтобы концы их оставались свободными, к ним и привязывали доску. Вешали качели парни, а веревки делали девушки. Качались большими группами: девушки посередине, парни по краям. Вокруг качелей собирались целые гулянья: водили хороводы, играли в горелки. С этого же времени начинали ходить на ходулях, также устанавливали и другие деревянные сооружения – *гиган(т)ские шаги*. Все эти развлечения разрешались только до начала посевной страды.

В полной мере это относится и к многочисленным летним праздникам (храмовым, престольным, так называемым *съезжим*) и приуроченным к ним гуляньям (*мечищам*), длившимся порой в течение недели.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, что юноши представляли собой особую социально-демографическую группу с сильным традиционным канонем маскулинности, которая по своим физическим, поведенческим (высокая соревновательность, тя-

готение к образованию групп) и психологическим свойствам (желание выделиться, пренебрежение к личной безопасности) отличается не только от женских групп, но и от сообщества взрослых мужчин. В традиционных юношеских играх и развлечениях отчетливо прослеживаются элементы и фрагменты былого посвячительно-инициационного комплекса обрядов перехода в старшую половозрастную группу.

Примечания

¹ Русский Север: этническая история и формирование народной культуры. XII–XX века. М., 2001; *Бернштам Т.А.* Молодежь в символизме переходных обрядов восточных славян. СПб., 2000; Мужской сборник. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре. М., 2001.

² *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 78.

³ *Дранникова Н.В.* Фольклор Архангельского края. Архангельск, 2001. С. 56.

⁴ Русский Этнографический музей (далее – РЭМ). Ф. 7. Д. 301. Л. 1; Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 5239. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–2; *Ефименко П.С.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 11; *Приклонский С.А.* Народная жизнь на Севере. М., 1884. С. 256–257.

⁵ ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 150. Л. 20; *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни... С. 71; *Приклонский С.А.* Указ. соч. С. 338–340.

⁶ ГААО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 150. Л. 19. *Тихомиров Н.А.* Особая форма нищенства // Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 122.

⁷ *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни... С. 79.

⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 889, 891.

⁹ Полевые материалы автора 1990–1993 гг. Архангельская обл. (далее – архив автора).

¹⁰ *Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А.* Духовная культура северного Белозерья: этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 108–116.

¹¹ ГААО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

¹² Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера (далее – Изв. АОИРС). 1910. № 18. С. 44 (Шенкурский у.).

¹³ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 44. Л. 4 (Каргопольский у.).

¹⁴ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

¹⁵ ГААО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 34. Л. 4–5; Д. 51. Л. 5.

- ¹⁶ ГАО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
- ¹⁷ ГАО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
- ¹⁸ *Слепцова И.С.* Формирование и регулирование гендерного поведения у молодежи в традиционной русской деревне // Гендерные проблемы в общественных науках. М., 2001. С. 128.
- ¹⁹ ГАО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 51. Л. 4.
- ²⁰ ГАО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–4.
- ²¹ ГАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
- ²² ГАО. Ф. 5239. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.
- ²³ Архив автора. Пинежский р-н. 1993 г. Тетр. 2; Сугревушка ты моя. Архангельск, 1998. С. 68–80.
- ²⁴ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 889. Л. 2.
- ²⁵ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 891; *Чулков М.Д.* Словарь Русских суеверий. СПб., 1780; *Чирцов Д.* Праздники в Пинежском уезде // Изв. АОИРС. 1916. № 11; *Коринфский А.А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901; *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. 1. М., 1877; Ч. 2. М., 1878; *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Пг., 1916; *Забылин М.* Русский народ, его обычаи, предания, суеверия и поэзия. М., 1880; *Чичеров В.И.* Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории народных верований). М., 1957; *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963.
- ²⁶ Архив автора. 1993 г. Пинежский р-н. Сурский с/с (с. Сура).